

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Рассматриваются вопросы создания системы юридического образования в Российской империи. Анализируется общественная и политическая обстановка, а также уставы университетов, принятых в этот период времени.

Ключевые слова: система юридического образования, устав, университет, студенты-юристы, научное общество.

В.Ф. Голованова

*Старший преподаватель кафедры
конституционного и муниципального права
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского*

С учреждением в начале XIX в. новых университетов, с определением основных параметров системы университетского образования¹ развитие образования в России приобретает значение государственного дела. Основной целью его получения становился главным образом научный поиск, освоение методов исследования, углубленное изучение ключевых проблем науки, философская подготовка к исследовательской деятельности. В то же время если студенческую массу во все времена было принято условно разделять на будущих политиков, будущих ученых и будущих обывателей, то юридическим факультетам университетов преимущественно отводилась роль будущих научных юридических кадров, а также будущих политиков и государственных деятелей, которых со временем стали готовить и специализированные «ведомственные» юридические учебные заведения.

Университеты в России возникли из практических потребностей государства; они не были ни плодом научной ассоциации, ни свободным творчеством оппозиционной официальной власти ученых². Например, Московский университет возник из потребности «иметь подготовленных учителей для дворянских семей». То же — Санкт-Петербургский³. Соответствующими были и программы обучения на юридических факультетах университетов.

В Указе «Об учреждении Московского университета и двух гимназий» определялось, что на юридическом факультете образуются три кафедры — натурального народного права (естественного права), юриспруденции российской и политики — и, соответственно, три должности профессора: всей юриспруденции (для ведения курсов естественного права и права Римской империи — древней и новой), юриспруденции российской (со знанием российских законов) и политики (специалиста по международному праву и международным отношениям со знанием истории предмета).

Длительность изучения отдельного учебного курса ограничивалась годом, разделенным каникулами на полугодия; содержание преподаваемых курсов определялось куратором университета. В качестве учебных занятий практиковались лекции; раз в месяц — диспуты на заданную тему; по окончании полугодия — публичные диспуты для всех желающих.

С начала XIX в. с формированием университетского образования как системы и определением соотношения между корпоративной свободой университетов и участием государства начинает уделяться значительное внимание законодательной регламентации деятельности университетов.

Нормативные акты о внутренней организации, корпоративном статусе обучающихся

и преподавателей — университетские уставы — имели в системе права Российской империи особый характер и особое политико-правовое значение, которое позволило «столь реакционному во многих отношениях» российскому государству стать «одним из основных источников революционных преобразований»⁴.

Организованные во многом по образцу западноевропейских (в первую очередь немецких, как наиболее передовых), российские университеты не копировали немецкую систему университетского образования. Широкое самоуправление, автономная деятельность университетской корпорации действительно были во многом заимствованы из опыта Германии. Однако российские университеты должны были обеспечивать потребности не только и даже не столько чисто научные, сколько совмещать подготовку специалистов, у которых глубокие научные знания не должны были быть «оторванными» от жизни, а служить интересам государственной юридической практики. Кроме того, еще при разработке планов формирования системы народного просвещения большое внимание уделялось идее распространения общей культуры, общевоспитательной подготовке. Поэтому в российском университетском опыте примечательным является не только сочетание теории и практики, ставшее «одной из характерных черт российского университетского образования», но и признание необходимости разносторонней подготовки студентов. Как незыблемое правило принималось, что «все науки имеют взаимную связь: и богослов, и юрисконсульт должны знать историю»⁵.

Вообще необходимо отметить такую специфическую особенность формирования системы юридического образования в России: несмотря на то что основной целью образования юристов была их «практическая» подготовка и, более того, западные «отвлеченные» теории вроде естественного права с трудом «приживались» на российской научно-юридической почве, именно в России в науке права сформировался теоретический фундамент — сначала в виде философии права, а затем и энциклопедии права. Конечно, и философия права, и теория естественного права, и энциклопедия права имели схожий предмет изучения, так как все они стремились к познанию основания права и его природы — естественной либо рациональной. Но в российском университетском образовании философия права отводилась роль дисциплины воспитательной направленности, так как ее задачей было еще и осмысление права в этическом контексте.

Акцентирование в предмете философии права на этической составляющей права со временем позволило отделить от нее все, что не было непосредственно в поле зрения этой науки. Описание сложившихся форм юридического бытия, энциклопедическое пояснение общих понятий права затем выделилось в отдельную сферу правового знания — общую теорию права. Правда, как это часто случается, «возвышение» одной науки сказалось на изменении роли другой — философии права. Можно согласиться с мнением, что в настоящее время в юридическом образовании явно недостает философии, той «философии юридического опыта», которая составляет этикофилософское осмысление как позитивного хода развития правовой жизни, так и процесса ее познания⁶.

В конце XVIII в. по мере расширения образовательных программ и вовлечения в круг изучаемых предметов российского законодательного материала актуальным становится вопрос о введении в университетскую среду в качестве средства научного общения русского языка. До этого времени в российских университетах, как и в университетах Запада, все научные занятия (от исследований до чтения лекций и научных диспутов студентов) проводились преимущественно на латыни, хотя отмечалось связанное с этим неудобство. Перевод обучения на русский язык положительно сказался на повышении привлекательности образования.

Подготовка юристов в целом оставалась «практической»: она была нацелена на освоение законодательного материала именно с тем, чтобы использовать эти знания в правоприменении и только в самой малой степени — для преподавания правоведения. Учебные курсы и «рассуждения» профессоров по предметам юридических дисциплин не шли далее обоснования необходимости изучения права применительно «к практической его пользе». На это обращали внимание первые исследователи российского права Л.А. Цветаев, З.А. Горюшкин. Рассуждая о необходимости юридических знаний на торжественном ежегодном общеуниверситетском собрании в 1820 г., Н.Н. Сандунов⁷ говорил о пользе «законоведения» для тех, кто получал знания с «частным» интересом, преследуя лишь цель знать о своих правах и повинностях, для тех, кто готовил себя к государственной службе, а также для тех, кто планировал стать «законоискусником» — заниматься адвокатской практикой. В отношении последних, кстати, считалось, что «полных сведений “законоискусства” нельзя почерпнуть без «истории законодатель-

ства российского и древностей, к оному относящихся»: только освоив исторические знания, можно приступить к постижению «духа» современных законов⁸.

Наряду с университетами подготовка юристов осуществлялась в Ярославском Демидовском юридическом лицее, в который в 1868 г. было преобразовано основанное П. Демидовым в 1803 г. на собственные средства Ярославское училище высших наук. В Лицей, как и в университеты, принимались только выпускники классических гимназий, а с 1898 г. и выпускники духовных семинарий. Программа обучения в Демидовском юридическом лицее (как и в Училище правоведения, готовившем кадры для высших органов власти и управления) была схожа с университетской.

Продолжалась подготовка «военных законоведов», которую начали еще при Петре I в школе при Военной коллегии. Военно-юридическое учебное заведение как самостоятельное образовательное учреждение было организовано по инициативе и при участии Николая I. В 1832 г. была учреждена Аудиторская школа⁹, преобразованная в 1846 г. в Аудиторское училище с присвоением статуса общеобразовательного заведения для подготовки гражданских чиновников для военного ведомства. Подготовку военных юристов высшей квалификации с 1867 г. начала осуществлять Военно-юридическая академия¹⁰, по имени ее создателя Александра II названная в 1899 г. Александровской. На Академию было возложено обучение офицеров для подготовки их к службе по военно-судебному ведомству: военными судьями, прокурорами, следователями.

Новые университетские уставы в последующем принимались по мере возникновения необходимости: совершенствование системы университетского образования или корректировка политического курса власти сказывались и на нормативной регламентации жизни высшей школы. Всего университетских Уставов было издано пять. Помимо названного первого Общего устава российских университетов 1804 г., новые уставы были утверждены в 1835, 1863, 1884 и 1903 г. Нетрудно заметить, что как раз в эти периоды в социальной жизни страны происходят политически весьма значимые события.

В университеты принимались молодые люди не моложе 17 лет. Они должны были иметь определенный уровень образовательной подготовки. Свидетельством такой подготовки могло служить, например, окончание обучения в гимназии. Для получивших домашнее образование пе-

ред поступлением в университет необходимо было пройти испытания в гимназии.

Основная цель — «подготовка юношества для вступления в различные звания государственной службы» — достигалась допущением в университеты исключительно лиц «свободных состояний», «детей высшего класса».

В образованный в 1755 г. Московский университет допуск «крепостных и помещиковых людей» запрещался вовсе, а обнаружившим стремление к обучению несвободным людям сначала должно было быть предоставлено личное освобождение и «пристойное» содержание на все время обучения (которое запрещалось прерывать, а окончивший обучение признавался вольным). Это ограничение снял университетский Устав 1804 г.

Но оставалось ограничение иного рода. Плата за обучение в университете была доступна далеко не всему населению; освобождение от оплаты обучения в университетах (или разрешение на ее снижение) могли получить только «бедные дворяне» (при Николае I). Либерализация правил приема в университеты по университетскому Уставу 1863 г. повлекла «проникновение» в университеты лиц «неимущих классов» и, как следствие, вызвала массовые студенческие волнения в 70-х гг. XIX в. (например, в 1869, 1874, 1878 гг.). Ответной мерой Правительства было решение об ограничении притока в университеты необеспеченных учащихся, ограничении стипендии, повышении платы за обучение и уменьшении льгот по оплате (по университетскому Уставу 1884 г.). В 1887 г. плату еще раз увеличили, а доступ детей крестьян и мещан в гимназии был запрещен (по знаменитому циркуляру о «кухаркиных детях»). Однако было сохранено право на обращение с ходатайством о снижении оплаты обучения. Студенты могли обращаться с прошениями об освобождении от оплаты и о назначении стипендий. Чтобы получить стипендию, необходимо было пройти испытания конкурсного характера: представить научную работу, успешно выдержать коллоквиум по ее содержанию и устное испытание. Позднее правила менялись; выдвигались требования высокого общего балла по результатам семестрового испытания, представление свидетельства о недостаточном материальном положении и др.¹¹.

В ходе прохождения университетского курса обучения студентам рекомендовалось углубленное изучение наук; успехи в учебе открывали возможности для продолжения научной работы. Кроме того, и в процессе университетского обу-

чения студенты приобщались к исследовательской деятельности. Студентам, например, предлагалось участие в конкурсе на соискание медалей. Вручению медалей предшествовало объявление темы для написания сочинений на латинском (позднее — русском) языке: победителям в присутствии широкой публики вручались медали. Золотая или серебряная медали (общим числом до 8) присуждались ежегодно за лучшее сочинение (их торжественное вручение проходило в апреле), авторы менее удачных трудов могли заслужить похвальный отзыв, публичную похвалу, рекомендацию для напечатания отдельных глав работы, назначение стипендии или пособия. Наиболее отличившиеся студенты могли направляться для продолжения обучения за границу.

Поощрением для студентов были также приглашения на практические занятия или рекомендации окончившим университет со степенью кандидата прав для работы на государственной службе. В пору, когда поощрением за успехи в изучении права было направление на службу на ответственные государственные посты, стремление к отличию было обычной мотивацией студентов к ученическому труду. По повелению императора наиболее отличившиеся в добросовестном и успешном обучении, после окончания ими курса юридического факультета со степенью кандидата прав, получали рекомендацию совета университета для службы в столичных министерствах. Число таких студентов год от года только возрастало, поэтому с 1843 г. именно резолюцией царь ограничил число удостоившихся такого поощрения — «довольно трех от каждого университета».

Между тем юридическое образование было необходимым условием для замещения всех судебных должностей, а кроме того, большинства административных должностей. Выпускники юридических факультетов университетов, которые связывали продолжение профессиональной деятельности с работой в государственном аппарате, шли по ведомству Министерства юстиции, становясь судьями, прокурорами, следователями, нотариусами. Кроме того, должности на государственной службе замещались выпускниками только государственных университетов; окончание частных учебных заведений такого права не давало¹².

Программы для обучения студентов-юристов изменялись по мере развития правоведения и юридической жизни; сказывалось, конечно, и влияние политических событий. Определенная тенденция прослеживалась в направлении огра-

ничения университетской автономии: отдельные вопросы, которые раньше университеты решали самостоятельно, постепенно передавались в ведение попечителей или Министерства народного просвещения. Так, по университетскому Уставу 1835 г. конкурс на замещение вакантных должностей кафедр объявлялся уже не деканом факультета, а попечителем, а на свободную должность профессора лицо могло быть утверждено приказом министра. Более либеральный в отношении определения вопросов самостоятельного ведения факультета университетский Устав 1863 г. подтвердил это право министра лишь в отношении известных и авторитетных ученых. А университетский Устав 1884 г., относимый к числу законодательных актов, обеспечивавших мероприятия «контрреформ», начало выборности в университетской жизни отменил: назначение профессоров становилось прерогативой министра; он, кстати, мог прибегнуть и к конкурсному отбору преподавателей из числа претендентов.

По общему правилу переход студентов из одного университета в другой разрешен не был. Кроме того, выпускники гимназий могли претендовать на обучение только в университете того учебного округа, в котором был окончен гимназический курс. В 1835 г. университетским Уставом переход из одного университета в другой был дозволен.

Университетский Устав 1835 г. установил правило последовательного получения научных степеней соискателями — сначала магистерской, затем докторской в установленные сроки; отличные успехи в учебе могли обеспечить выпускнику университета степень кандидата прав. Для того чтобы получить научную степень («ученую степень» по терминологии того времени), не проходя соответствующего курса обучения, необходимо было сдать студенческий экзамен. Научные степени в системе российского юридического образования — это не только факт специальной научной подготовки, но в начальный период деятельности университетов и свидетельство получения квалификации юриста.

Всего научных степеней было четыре. Первая степень — действительный студент, лицо, окончившее университетский курс юридических наук. Свидетельством получения этой — первой — ученой степени служил аттестат, а позднее диплом. Аттестаты и дипломы выдавались окончившим курс и доказавшим получение знаний. Выдачей диплома I или II степени завершались выпускные испытания в юридичес-

кой комиссии. Для того чтобы получить диплом I степени, необходимо было успешно пройти испытания. По выбору студента это могло быть представление сочинения, которое должно было быть одобрено юридической комиссией, а знания на экзаменационных испытаниях по римскому праву, гражданскому и уголовному праву должны были быть оценены комиссией как «весьма удовлетворительные». Без представления сочинения на диплом I степени мог претендовать прошедший испытания по пяти устным предметам также с отметкой «весьма удовлетворительно». Диплом II степени выдавался после прохождения испытаний с отметкой «удовлетворительно», представление сочинения не требовалось. Неокончившие либо не приобретшие надлежащих знаний (не выдержавшие выпускных студенческих испытаний) получали свидетельства, где указывались все прослушанные ими курсы; при поступлении на службу они не могли претендовать на получение классного чина, как другие студенты-выпускники.

Далее следовала ученая степень кандидат прав — лицо, окончившее курс с отличными успехами или показавшее особые способности и представившее письменное сочинение. Претендент в кандидаты неотличник должен был сдать устный экзамен (позднее был введен письменный — в присутствии экзаменатора).

Следующая степень — магистр. Им мог стать кандидат, доказавший наличие знаний о системе науки «в целом и ее частях». Претендующий на ученую степень магистра должен был сдать устный и письменный экзамены по профильным наукам, при этом устный — на неопределенное число вопросов, письменный — на два по жребию под наблюдением экзаменатора. Претенденту на магистерскую степень определялась факультетом тема для написания диссертации на русском или латинском языке, которая должна была быть защищена публично.

И последняя степень — доктор. Претендент на эту степень должен показать знание самой науки, а не только ее системы, освоение не только ее предмета, но и методики, позволяющей «открывать и исправлять» в ней слабые места. От претендента на докторскую степень требовалась сдача устного экзамена по всем факультетским дисциплинам в присутствии двух депутатов от совета университета. Подготовка ответов на письменный экзамен (четыре вопроса по жребию) производилась в присутствии экзаменатора. Диссертация на соискание докторской степени представлялась и должна была быть защищена на латыни¹³.

Общее количество защищенных диссертаций по юридическим наукам в России с 1805 по 1863 г. составило около 187, включая докторские, а с 1863 по 1916 г. — 453. По числу юридических защит первое место в стране занимал юридический факультет Московского университета¹⁴.

Подготовке юристов в системе российского университетского образования уделялось особое внимание, ведь выпускник юридического факультета становился претендентом на ключевые посты в органах государственного управления, системе правосудия. Поэтому и отбор студентов на юридические факультеты осуществлялся, как правило, с отступлением от общих правил. К примеру, когда в конце 1855 г. состоялось решение о приеме в университеты молодых людей без ограничения их числа, а правилами о вступительных экзаменах для желающих поступить в университеты от экзаменов освобождались окончившие курс в гимназиях, на юридическом факультете испытания по латинскому и немецкому языкам проводились и для выпускников гимназий. Не выдержавшие вступительных испытаний выпускники гимназий на юридический факультет не принимались.

Повышенные требования к будущим юристам предъявлялись и в процессе обучения. Контрольными формами знаний студентов-юристов были репетиции, курсовые экзамены и экзамены по окончании обучения. Перед преподавателями специально ставилась цель — выяснить на курсовых экзаменах и репетициях степень понимания студентами предмета: понятен ли им предмет, о котором говорят. Репетиции проводились каждые полгода не более чем по двум предметам. Репетиции были своего рода проверкой усвоенных знаний в дискуссионном ключе. Профессорам, которые обучали студентов юридическим наукам, специально предписывалось проводить со студентами беседы, для того чтобы приучить их «основательно и свободно изъяснять свои мысли» (§ 122 Устава императорского Московского университета). Репетиции давали возможность оценить в том числе усвоение студентами основ риторики. А вот относительно курсовых экзаменов высказывались предложения об их отмене.

Развивать свой интеллектуальный потенциал студенчество могло не только в университетских аудиториях и публичных библиотеках. До поры каких-либо ограничений для посещения студентами внеуниверситетских мероприятий с пользой для собственного разностороннего развития не было. Поощрялся интерес студентов-

юристов к истории, философии, литературе. В Москве с начала XIX в. организовывались кружки интеллектуалов «по интересам». Так называемые салоны в домах аристократических фамилий и вечера у выдающихся литераторов и ученых имели большое значение в плане просветительства. На вечерах можно было поделиться впечатлениями от литературных новинок, обменяться мыслями, поучаствовать в дебатах по научным проблемам. Считалось, что молодежь, участвуя в таких вечерах, приобщалась к искусству грамотного ведения диалога, пробуждался интерес к изучению наук. В 30–40-х гг. XX в. известными были кружки А.П. Елагиной-Киреевской, Н.В. Станкевича, Т.Н. Грановского.

Позднее «юридическое общество» начинает обособляться, и популярность приобретают научные общества, организуемые сначала как кружки, а затем официально учреждаемые при юридических факультетах университетов¹⁵. В середине 80-х гг. XIX в. юридические научные общества уже действовали при многих российских университетах. Со временем они становятся не только научной, но и легальной политической трибуной. К этому времени проведение публичных лекций стало редкостью, и на заседаниях юридического общества, проводимых, например, по случаю Татьянинного дня, годовщины отмены крепостного права или юбилеев уважаемых профессоров, обсуждались разные темы, в том числе политические, о которых было бы немыслимо говорить в другой обстановке. Для Юридического общества при Московском университете, например, членами которого в то время были известные своей общественно-политической деятельностью далеко за пределами университетских аудиторий профессора В.А. Гольцев, Ю.С. Гамбаров, Н.А. Зверев, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, И.И. Янжул, было характерным всякую речь снабдить «душком» оппозиционности, как говорили, «прозрачной», чтобы только возбудить слушателей, и «умеренной», чтобы не привлекать излишнего внимания администрации.

Юридические общества при российских университетах имели свои постоянные печатные органы, где освещалась научная и просветительская деятельность их членов. «Юридический вестник» Московского юридического общества, «Журнал гражданского и уголовного права» Санкт-Петербургского юридического общества служили проводниками «столичной» юридической мысли, исследований ученых этих двух столичных университетов. В большинстве же других университетов постоянных органов не

было, презентация их работы осуществлялась чаще всего в местных газетах, но некоторые университеты начали периодически издавать свои труды. Нужно заметить, что юридические общества, которые образовывались при университетах, особенно в провинции, являлись центрами, которые распространяли и поддерживали интерес к правовым знаниям не только научного, но и воспитательного, культурного характера у широких кругов образованных людей, а не только юристов-профессионалов. Принципы законности, свободы личности, равно как принцип следования в своей самостоятельной деятельности не только юридическим, но и нравственным обязанностям, лежали в основе уставов, которыми руководствовались юридические общества¹⁶. Самостоятельное значение имели и студенческие кружки, имевшие целью приобщение юношества к наукам¹⁷. Как утверждают исследователи, именно «на страницах журналов, в студенческих кружках, в общественных научных организациях, в домашнем кругу отдельных представителей науки... создавался... культ науки... энтузиазм учащейся молодежи»¹⁸.

Но перемены в политической ситуации в стране не могли обойти и университетскую среду. В последние десятилетия XIX в. социальные волнения захлестывали и университеты. Беспорядки в университетской среде по политическим мотивам влекли ограничение прав университетов. Главным образом по этой причине последовало утверждение 23 августа 1884 г. нового Общего устава российских императорских университетов. Его целью было «изыскать надежные способы к обеспечению правильного развития университетского образования, соответственно выяснившимся потребностям государства и народа в духе истинного просвещения». Одним из следствий стало усиление административного надзора за деятельностью научных обществ.

Отрицательные последствия ограничения деятельности научных обществ в университетах обнаружилось скоро, и с ходатайством перед университетами и императором о том, чтобы признать научное общение студентов и профессоров в рамках университетских интересов полезным и желательным, в 1899 г. выступило даже Министерство народного просвещения. Тогда стали создаваться студенческие кружки с научной, литературной целью, а также для развития логики. Права юридических факультетов были затронуты больше других тем, что после введения университетского Устава 1884 г. вы-

пускные экзамены («окончательные испытания») стали проводиться не факультетом, как на других факультетах, а специальной юридической испытательной комиссией.

Юридические факультеты университетов несли двойное социальное назначение: во-первых, они были источником распространения (а также порождения, поиска) теоретического знания, развивали научные направления, а во-вторых, формировали контингент грамотных и образованных государственных служащих. Очевидно, совмещение этих двух направлений — задача сложная: хорошая теоретическая подготовка выпускника не является гарантией такой же успешности применения знания на практическом поприще государственной службы. Поэтому в зарубежных государствах занятие должности по службе от правительства чаще всего было поставлено в зависимость от прохождения экзаменационных испытаний. Этот опыт неоднократно пытались внедрить в практику Российской империи, но практически безуспешно.

К окончанию XIX столетия в России была сформирована высококлассная система высшего юридического образования, главными составляющими которой были: сильный преподавательский состав, который обеспечивался хорошей научной подготовкой и стажировкой за границей, достаточная материальная база, самостоятельность студентов и вовлечение их в занятия наукой. К этому времени уровень образованности в обществе был уже довольно высоким. Все более высоким становилось и стремление к образованию. По данным всеобщей переписи населения 1897 г., преподавателей, занимавшихся частной практикой, было свыше 68 тыс. человек, а состоявших на службе у частных лиц образованных людей (управляющих, иных служащих) — около 205 тыс. человек, это было в 3,5 раза больше, чем дворянских усадеб в сельской местности¹⁹.

Таким образом, к концу XIX века в России было завершено создание системы юридического образования, которая состояла из а) университетов с юридическими факультетами;

б) специальных правовых училищ, где преподавались только юридические науки; в) военных училищ.

Библиографический список

1. Временное положение о Военно-юридической академии от 17 июня 1878 г. // ПСЗ-II. Т. LIII. Отд. 1. 1878. № 58637.
2. Державин Н.В. Высшая школа и революция [Текст] / Н.В. Державин. — М.-Пг., 1923.
3. Джентиле Ф. О роли философии права в изучении юриспруденции в Италии [Текст] / Ф. Джентиле // Государство и право. — 1995. — № 1.
4. Ерман Л.К. Состав интеллигенции в России в конце XIX и начале XX в. [Текст] / Л.К. Ерман // История СССР. — 1963. — № 1.
5. Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России [Текст] / Г.Г. Кричевский // История СССР. — 1985. — № 2.
6. Отчет казначея Общества для пособия нуждающимся студентам императорского Харьковского университета за 1910 год. — Харьков, 1910.
7. Петров Ф.А. Университетский Устав 1804 г. и становление системы университетского образования в России [Текст] / Ф.А. Петров // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. — 2004. — № 2.
8. Правила для студенческого кружка, состоящего при юридическом факультете Харьковского университета для занятий государственными науками [Текст] // Циркуляр по Харьковскому учебному округу. — 1901. — № 2.
9. Сандунов Н.Н. Слово о необходимости знать законы гражданские и о способе учить и учиться российскому законоведению [Текст] / Н.Н. Сандунов. — Изд. 2-е. — М., 1822. Положение об Аудиторской школе от 26 марта 1832 г. // ПСЗ-II. Т. VII. 1832. № 5253.
10. Скрипилев Е.А. В.Д. Спасович — король русской адвокатуры [Текст] / Е.А. Скрипилев. — М., 1999.
11. Труды Юридического общества при императорском Харьковском университете. Т. 1. — Харьков, 1904.
12. Юртаева Е.А. Организация профессиональной подготовки юристов в дореволюционной России [Текст] / Е.А. Юртаева // Журнал российского права. — 2008. — № 7.

¹ Создание системы высшего образования в 1804–1805 гг. именуют еще университетской реформой.

² О сравнительных особенностях юридической подготовки кадров в рамках университетской системы в России и Западной Европе см.: Юртаева Е.А. Организация профессиональной подготовки юристов в дореволюционной России // Журнал российского права. 2008. № 7.

³ Державин Н.В. Высшая школа и революция. М.-Пг., 1923. С. 11.

⁴ Петров Ф.А. Университетский Устав 1804 г. и становление системы университетского образования в России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2004. № 2. С. 60.

⁵ Там же. С. 62, 69.

⁶ Джентиле Ф. О роли философии права в изучении юриспруденции в Италии // Государство и право. 1995. № 1. С. 137.

⁷ Н.Н. Сандунов – профессор Московского университета. Происходил из благородной грузинской фамилии, род. в Москве 13 октября 1769 г. и десятилетним мальчиком, благодаря ходатайству А.А. Антонского-Прокоповича, был записан в Дворянскую гимназию при Московском университете (13 июля 1779 г.). Окончив в ней курс 17 декабря 1784 года, С. был произведен в студента и поступил в университет, где слушал юридические и словесные науки, а за успехи получил золотую медаль. В 1787 г. С. окончил университетский курс и поступил на службу преподавателем синтаксиса в университетской гимназии, где пробыл до 1791 г.

⁸ Сандунов Н.Н. Слово о необходимости знать законы гражданские и о способе учить и учиться российскому законоведению. Изд. 2-е. М., 1822. С. 41–43.

⁹ Положение об Аудиторской школе от 26 марта 1832 г. // ПСЗ-II. Т. VII. 1832. № 5253.

¹⁰ Временное положение о Военно-юридической академии от 17 июня 1878 г. // ПСЗ-II. Т. LIII. Отд. 1. 1878. № 58637.

¹¹ При университетах создавались «общества пособия нуждающимся студентам», которые рассматривали соответствующие обращения; в большинстве случаев они признавались достойными удовлетворения (например, из 310 прошений, рассмотренных таким обществом Харьковского университета за неполные три последних месяца 1910 г., было удовлетворено 234). См.: Отчет казначея Общества для пособия нуждающимся студентам императорского Харьковского университета за 1910 год. Харьков, 1910. С. 8.

¹² Скрипилев Е.А. В.Д. Спасович – король русской адвокатуры. М., 1999. С. 81, 84, 85.

¹³ Эта норма скоро утратила силу – к 30-м гг. XIX в. дозволение защищать диссертации на русском языке стало общим правилом. Требование о латинском языке диссертации сохранялось лишь в отношении трудов по филологии, как правило, древней.

¹⁴ Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 143, 150.

¹⁵ Из наиболее известных следует назвать, например, кружок В.Д. Спасовича. См.: Скрипилев Е.А. Указ. соч. С. 26.

¹⁶ См., например: Труды Юридического общества при императорском Харьковском университете. Т. 1. Харьков, 1904. С. 143.

¹⁷ Студенческие кружки в качестве правовой основы деятельности имели свой устав. См., например: Правила для студенческого кружка, состоящего при юридическом факультете Харьковского университета для занятий государственными науками // Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1901. № 2. С. 84–85.

¹⁸ Державин Н.В. Указ. соч. С. 16.

¹⁹ Ерман Л.К. Состав интеллигенции в России в конце XIX и начале XX в. // История СССР. 1963. № 1. С. 165–166.

CREATION OF A SYSTEM OF LEGAL EDUCATION IN RUSSIA IN THE XIXTH CENTURY

V.F. Golovanova

*Lecturer at the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Faculty
of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

The issues of creating a system of legal education in the Russian Empire are considered. In this connection, the social and political situation is analyzed, as well as the Charters of universities adopted during this period of time.

Keywords: legal education system, charter, university, law students, scientific society.